

ИНТЕЛЛИГЕНТ № 1

МОСКОВСКИЕ И ПЕТЕРБУРГСКИЕ АДРЕСА И ТАЙНЫ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА ОДОЕВСКОГО

Солнце нашей Поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в средине своего великого поприща!.. Более говорить нам не имеем силы, да и не нужно; всякое Русское сердце знает всю цену этой невозвратной потери, и всякое Русское сердце будет растрачено. Пушкин! наш поэт! наша радость, наша родная слава!.. Неужели в самом деле нет у нас Пушкина?.. К этой мысли нельзя привлекать!

29 января 2 ч. 45 м. пополудни.

Князь Владимир Одоевский

С

«Сколько замечательных домов в Москве — признался однажды поэт, художник, эссеист

старой и новой Москвы Борис Земенков. — Какими удивительными вестями писательских биографий могут вам рассказать эти тихие мезонинные арбатские переулочки, дворовые крылечки, рваные Замоскворечья или шумные подвалы Петровки. Сколько наслоений эпох под ногами на одной улице или в одном доме! Какая криворечивая геология человеческих дум, мечтаний, трудов!..»

«Геология дум». Отлично ведь сказано! Миллионы книг поэтов, историков, философов прошлого запечатлели нравы, образы, фантасмагорические ситуации — ту самую «геологию», которая кривает нам нечто новое даже в давно известном старом. И в равной степени это касается моего нынешнего героя — поэта, прозаика, философа и ученого, фантаста и «чудака с комком на голове», наконец, древнейшего (из последних «рюриковичей») князя Владимира Федоровича Одоевского. Личности «штучки выделки», как говорили о нем, и человека, «труды и дни», как на качелях, то всплывающего к всеобщей вдруг популярности, то вновь скрывающегося на годы и годы забвения.

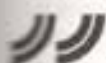
Эти «качели» заметил, кстати, век назад такой же «штучный» философ и писатель Василий Розанов, который, познакомившись с трудами князя, чуть не схватился за голову: как, почему он «не сделался давно «беззаветным любимцем» русского читателя, русской девушки, русского студента?..» Он же был «предшественник всех «разговаривающих лиц»... предшественник философических диалогов у Достоевского и до известной степени родоначальник вообще «интеллигентности» на Руси и интеллигентов...».

Родоначальник «интеллигентности». Разве это не значит — первый (вообще первый!)

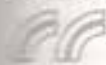

1)

2)

ДРЕВНЕЙШИЙ ИЗ ПОСЛЕДНИХ «РЮРИКОВИЧЕЙ», ОДОЕВСКИЙ — ЛИЧНОСТЬ «ШТУЧНОЙ ВЫДЕЛКИ» КАК ГОВОРИЛИ О НЕМ, ЧЬИ «ТРУДЫ И ДНИ» ТО ВСПЛЫВАЮТ, ТО ВНОВЬ ОПУСКАЮТСЯ В ЗАБВЕНИЕ

интеллигент?! Не «интеллектуал», как исконно веков трактуют это слово на Западе, а именно — интеллигент.

В высоком смысле этого слова.

Мальчик-колокольчик.
(ул. Петровка, 26/2)

Можно ли человека угадать по одной фантастической сказке? — спрашивал он. И сам же отвечал — можно. «Фантастическая сказка есть произведение воображения в похмелье. Море до колена; язык развязывается, все чувства, прилившись на дне души: старые и новые, зрелые и незрелые — бьют пеною наружу...» Эта штука в том, что он и сам ведь, выпроставшись на свет в давно исчезнувшем доме в центре Москвы (ул. Петровка, 26/2), родился в

некоем таинственном ореоле. Родился недоношенным, «недозрелым», а донашивали его, вообразите... бараны.

Родился так же фантастично, как развивался потом события в его детской сказке «Городок в табакерке».

Москву 1804 года представить ныне трудно. Вот прямо рядом с краснокирпичным Высоко-Петровским монастырем на Петровке, где широко стоит сейчас шестиэтажное здание так называемого дома «Донугля», раскинулась в начале 1800-х годов усадьба родовитого (если по родословной, то 61-го представителя семьи) директора ассигнационного банка, князя Федора Сергеевича Одоевского и его жены, дочери прапорщика, Екатерины Филипповны. Вот тут-то, где по-над усадьбой, над пыльной улицей и кронами деревьев раздавались порой звуки фортепиано под руками Екатерины Алексеевны, и родился 11 августа первый русский интеллигент.

62-й и, увы, последний в роду Рюриковичей — князь Владимир Одоевский.

Родился недоношенным и сразу бы умер, если бы не три десятка баранов, заколотых в те же дни. Жертвоприношение, скажете? Да нет, просто для выхаживания слабого младенца принято было в богатых семьях и, разумеется, в качестве «чрезвычайной меры» завертывать его (вместо нынешних-то кювезов) в горячие еще шкуры, «снятые с едва убитого барана». Говорят, именно потому у Вольдемара, как будут звать его с детства, на всю жизнь осталась «необыкновенная тонкость кожи», а сам он с тех дней рос рассудительным, как «ребенок-старик».

Мы же запомним пока главное: отрок появился на свет раньше своего времени, как бы обогнав его, а, кроме того, все, отведенные ему годы, будет оставаться тонкокожим, то есть — ранним и нежным.

Вот удивительно: все восемь домов Москвы, где будет жить Одоевский (Петровка, 26/2, Мал. Козловский пер., 1-5, Бол. Власьевский пер., 7/24, Тверская ул., 7, Газетный пер., 3 и Камергерский пер., 3, Остоженка, 53/2 и Смоленский бул., 17, стр. 5), не сохранились. В только что изданном моем Атласе «Литературная Москва. Домовая книга русской словесности, или 8 тысяч адресов прозаиков, поэтов и критиков (XVIII—XXI вв.)» против каждого из них стоят в скобках две буквы — н.с. — не сохранились.

И напротив — шесть зданий в Петербурге, где князь проживет может лучшие свои годы (пр. Римского-Корсакова, 43/11, Исаакиевская пл., 7/1, Дворцовая наб., 22/1-3, Английская наб., 44, наб. Фонтанки, 35 и Литейный пр., 36/2) — целехоньки.

Невольно подумаешь тут, что Москва для Одоевского и была тем самым «Городком в табакерке», сказкой его.

*1
А. Покровский.
Портрет князя
В.Ф. Одоевского.
1844 год.

*2
Герб князей Одоевских.

*3
Москва.
Улица Петровка.
Начало XX века.

СКАЗКА «ГОРОДОК В ТАБАКЕРКЕ» ИЗДАЕТСЯ ДОНЫНЕ И ПО НЕЙ СТАВЯТ СПЕКТАКЛИ И ДАЖЕ СНИМАЮТ МУЛЬТФИЛЬМЫ. НУ ПОМНИТЕ ЖЕ? «Я МАЛЬЧИК-КОЛОКОЛЬЧИК ИЗ ГОРОДА ДИнь-ДИнь...»

Ну помните же ее? Она издается донныне и по ней ставят спектакли и даже снимают мультфильмы? «Я мальчик-колокольчик из города Динь-динь...» Там, где герой-ребенок, так и не разгадав, откуда рождается мелодия в черепаховой музыкальной табакерке, засыпает рядом с ней и во сне, уменьшившись в размерах, проникает в нее. А в ней — толпа мальчиков-колокольчиков в стальных юбочках, дядек-молоточков, которые время от времени и в лад ударяют в них, большой и ленивый Валик на диване, который цепляет крючками дядек и — царевна-пружинка, заставляющая того поворачиваться.

Сказку напечатали в 1834 году. Она, кстати, «обогнала» на 30 лет знаменитую Алису в

*4
В. Маковский.
Иллюстрация к сказке
«Бедный Гнедко».

*5
В. Маковский.
Иллюстрация к сказке
«Городок в табакерке».

*6
Хохловский пер., 7-9,
стр. 1. Кого только ни
видел этот дом!

«стране чудес» с похожим сюжетом. Тогда же напечатали и «Мороза Ивановича» (тоже хит! — как сказали бы ныне) и «Сборник детских песен бабушки Ириньи». Сам Белинский сравнил сказки Одоевского с Гофманом, а дети, повторяю, читают их почти 200 лет. Но в 1834-м, не будем забывать, «мальчику-колокольчику» было уже 30 и за спиной нашего героя были и знаменитый Благородный пансион при Московском университете, и служба в не менее знаменитом архиве Коллегии иностранных дел. В пансионе (стоявшем на месте нынешнего Центрального телеграфа), где учились в разные годы Жуковский, Чаадаев, Вяземский, Грибоедов, Тютчев, Погодин, Лермонтов, Боратынский и др., Одоевский вместе с Кохельбекером не только задумал журнал «Мнемозина», но и по примеру двоюродного брата своего, поэта и декабриста Александра Одоевского («Александр был эпохой в моей жизни», — запишет в «Дневнике»), автора, к слову, великой строки «Из искры возгорится пламя», стал писать стихи.

А вот в здании архива, которое, к счастью, сохранилось, поэт стал, по сути тем, кем мы его знаем ныне: прозаиком, философом, ученым, человеком во всех смыслах обгоняющим свое время.

**«Любомудр» — это любящий мудрость.
(Хохловский пер., 7-9, стр. 1)**

В этом доме, кособоко врастающем в землю, собирались едва ли не лучшие сыны России. «Архивны юноши», помните «Евгения Онегина»?

*Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядят
И про нее между собою
Неблагодарно говорят...*

Так вот «архивны юноши» и получили свое название в этом доме от служившего здесь же колкого пушкинского друга Сергея Соболевского. Пушкин, кстати, тоже бывал здесь много раз, а позже и работал с документами над «Историей Пугачева».

Что же это за дом такой? — спросите вы. Изначально он принадлежал думскому дьяку в чине Посольского приказа Емельяну Украинцеву, скончавшемуся в Венгрии в 1708 году, а лишь позже в нем разместили архив Коллегии иностранных дел. Тут служил, а с 1814-го возглавлял архив и жил при нем — поэт, драматург, переводчик и историк Алексей Федорович Малиновский, друг семьи Пушкина и родной брат директора Царскосельского лицея. А в должностях юнкеров архива, переводчиков и актуариусов служили юные отпрыски богатых знатных родов, отданных сюда в надежде на дальнейшую карьеру дипломатов.

Основным делом «архивных юношей» было переписывание древних грамот и договоров в едином формате для дальнейшей публикации их. Впрочем, работа в два «присутственных дня» была не пыльной (даром, что архив!) и, как запишет в мемуарах Ф.Ф. Вигель, для разно возрастных юношей она заменяла порой «и университет, и гимназию, и приходское училище». Словом, это был и труд, и известное развлечение, и некий своеобразный клуб по интересам.

**О, КАК ГОРЯЧИЛИСЬ И ВИТИЙСТВОВАЛИ «АРХИВНЫ ЮНОШИ»!
ШЕЛЛИНГ, СПИНОЗА, КАНТ, ФИХТЕ — ТЫСЯЧИ ВОПРОСОВ,
НА КОТОРЫЕ ОНИ СТРАСТНО ИСКАЛИ ОТВЕТЫ!**

Не буду перечислять всех прошедших здесь школу Малиновского, но особо выделюсь будущие писатели Лажечников, Огарёв, братья Тургеневы, поэты Иван Мятлев, которого записали сюда шестилетним, и Толстой Алексей Константинович. Позже, в 1820-е годы, к ним присоединились выпускники Благородного пансиона, уже известные поэты братья Веневитиновы, Мельгунов, Кошелёв, Шевырёв, Иван Киреевский и — «тоненький и стройный» Владимир Одоевский. Уж не знаю, облачался ли здесь он, «тонкокожий», в «дежурные» шубу и валенки, когда надо было спускаться в подвал, в хранилище архива, где, как пишут, стоял страшный холод, но одну тайну этого дома несомненно хранил крепче амбарных замков особняка.

Тайну «тайного Общества любомудрия!» Впрочем, одно Общество, родившееся здесь, было вполне явным. Я говорю о кружке литератора Семёна Раича, которое именовалось «Обществом друзей литературы и философии», в которое, помимо многих названных и Одоевского, входили уже и Тютчев, и историк Погодин, и драматург Александр Писарев и которое собиралось «по четвергам» чаще всего дома у Раича (Бол. Дмитровка, 9-11). Но

*7
Обложка «Сказок дедушки Ириней».

*8
Литературно-философский альманах «Мнемозина».

*9
Н. Гольц.
В.Ф. Одоевский.
Иллюстрация к книге А. Шарова «Волшебники приходят к людям».

блестяще образованному Одоевскому этого было мало, и он в 1823 году подговорил юного поэта Дмитрия Веневитинова и его брата, таких же «шеллингианцев», учредить тайное общество «любомудров», в котором стал председателем, а Веневитинов — секретарем.

Вот они-то, томимые жаждой знаний, и прикинувшие к ним Кириевский, Шенырев, Рожалин и Кошелев, Мельгунов и Титов (все, разумеется, писатели!) и стали собираться секретно то на квартире Веневитиновых (Кривоколенный пер., 4), то в домах самого Одоевского (он жил с 1822 по 1826 гг. у своего двоюродного деда как в Газетном переулке, 3, так и в Камергерском, 3, в особняке, на месте нынешнего МХАТа). «До сих пор, — напишет в 1824 году в своем литературно-философском альманахе «Мнемозина» Одоевский, — философа не могут себе представить иначе, как в образе французского говоруна XVIII века; посему-то мы для отличия и называем истинных философов любомудрами».

О, как горячились и витийствовали они в этих домах!

Шеллинг, Спиноза, Кант, Фихте — тысячи вопросов, на которые они страстно искали ответы. «Какое раздолье! — вспомнит Одоевский. — Спрашивай, о чем хочешь, — на все ответ». Здесь переживали «минуты восхитительные, минуты небесные, которых сладости не может понять тот, кого не томила душевная жажда». А эстетика? а собственные опыты? а попытка создать свою цельную систему, некое «научно-учение», сводящее «все частные познания к одному началу»? а Спиноза, наконец, да разве ж его сочинения не выше... самого Евангелия?

Увы! Тайное общество и кончилось — тайно! В 1825 году грянуло в Петербурге декабрьское восстание, там в одночасье был арестован двоюродный брат князя, поэт Александр Одоевский и любомудры... сочли мудрым самораспуститься. В один из вечеров съехались в Газетном переулке, где хозяин дома торжественно сжег в камине и устав Общества и все протоколы собраний.

ОН БЫЛ ИНТЕРЕСЕН ВСЕМ: ЖУКОВСКОМУ, ПУШКИНУ, БЫВАВШЕМУ ЗДЕСЬ, КАК ДОМА, ВЯЗЕМСКОМУ, ДЕДУШКЕ КРЫЛОВУ, ГОГОЛЮ, ДРАМАТУРГУ ШАХОВСКОМУ, КОМПОЗИТОРУ ГЛИНКЕ...

Почти сразу же, в 1826-м, оставив патриархальную Москву, Одоевский переедет в Петербург. Уехал «архивным юношей», а вернется в Москву через долгие 35 лет, в 1861 году, признанным уже писателем и ученым, камергером, гофмейстером, тайным советником и сенатором, вполне тем, кого мы, вслед именитым современникам его, зовем «русским Фаустом».

Петербургские ночи.

(Дворцовая наб., 22/1-3)

«Вечернее солнце пылало над величавой рекою; альфе облива рассыпались по сизому небу, и каждое светилося стороною, обращенною к солнцу, — так начинается Девятая ночь его романа «Русские ночи». — Фауст сидел у окна... и был задумчивее обыкновенного; на лице его не было заметно той постоянной, но не злой насмешки, с которой он задавал загадки молодым людям... и которых разноречащие мысли столь мало походили на спокойствие уверенности, которым, казалось, обладал добрый чудак...»

Да, окна дома, на углу с Мошковым переулком, где он проживет многие годы, смотрели на Неву. Впрочем, смотря какие окна, ибо и этот дом вдовы гофмаршала, министра внутренних дел Степана Ланского, отца Ольги, на которой женился тогда же, в 1826-м, Одоевский, и флигелек, выделенный новобрачным матерью ее, устроены были хитро: две комнаты внизу и кабинет князя — сверху.

Гостей принимали по субботам, после театра. Прийти раньше полуночи считалось дурным тоном. Собирались «в двух маленьких комнатах и только к концу переходили в верхний этаж, в льняную пещеру, т. е. в просторную библиотеку князя, — пишет свидетель. — Княгиня, величественно восседая перед серебряным самоваром, сама разливала чай. Ее называли la belle Creole,

* 10
И. Кольман. Восстание
14 декабря 1825 года.
1830-е годы.

* 11
Дворцовая наб., 22/1-3.
Дом окнами на Неву.

так как она... похожа была на креолку и некогда славилась красотой...»

Не было здесь и «тигостного обычая представлять гостей друг другу. Раз введенный сюда считался как бы знакомым со всеми...» Уходили, не прощаясь, и входили с легким поклоном, как будто виделись только что. А наверху, куда пойти было наградой, — кабинет-библиотека князя, уставленный, как пишет Панаев, «необыкновенными столами с этажерками и таинственными ящичками... книгами на стенах, на столах, на диванах, на полу... различными черепами, какими-то стеклянками и химическими ретортами. Меня, — вспоминал он, — поразила даже самый костюм Одоевского: черный шелковый, вострый колпак на голове, и такой же длинный, до пят сюртук — они делали его похожим на средневекового астролога или алхимика».

Днем князь исправно служил (в цензуре, в комиссион мер и весов, в судебном делопроизводстве, даже в устройстве городского водопровода и пожарной части, когда трудился в хозяйственном управлении МВД), а по ночам устраивал тут лекции, чтение пьес, музицирование, и всякий раз удивлял собравшихся учеными парадоксами, да загадками.

«Кажется, достаточно было один день провести с этим человеком, — напишет поэт Яков Пислонский, — чтоб навсегда полюбить его». Он и впрямь интересен был всем: Жуковскому, Пушкину, бывавшему здесь, как дома, Вяземскому, дедушке Крылову (перед которым всегда ставили поросенка под сметаной и бутылку кваса), Гоголю, драматургу Шаховскому, писателю Владимиру Соллогубу, композитору Глинке, а позже Лермонтову и Тютчеву, даже заезжим Ференцу Листу и Гектору Берлиозу и, конечно — знаменитой «княгини Ночь», старой уже Голицыной, которая и не просыпалась раньше полуночи, и полагалась тут ближе к рассвету.

*12
Б. Лебедев, В.Г. Белинский (второй слева), М.Ю. Лермонтов (стоит), В.Ф. Одоевский (третий справа), И.А. Крылов (второй справа), 1948 год.

*13
Дарственная надпись В.Ф. Одоевского в записной книжке, подаренной М.Ю. Лермонтову.

*14
В доме на Дворцовой набережной князь по ночам устраивал лекции, чтение пьес, музицирование.

*Поэту Лермонтову
даютек же все отравил
и любилась зима со мной,
смысл был безразличен
мне се сам, и тем
и отсырел. В.Ф. Одоевский*

*1841
Апрель 1851
Ельза*

1920 г. — Буря

«Скажите, почему ты и мы — все любим полуночничать? — спрашивал князь гостей. — Отчего ночью внимание постояннее, мысли живее, душа разговорчивее?.. Общая тишина? У нас? Да настоящее движение в городе начинается лишь в десять вечера... Просто людей что-то твнет быть вместе; от того все сборища, беседы, балы — бывают ночью».

Это, может, самый простой вопрос, повидавший в раскаленном спорами воздухе. На деле Одоевский именно здесь писал свою прозу, и те детские сказки, и мистические повести для взрослых, и роман «Русские ночи», и утопию «4338-й год». Так что вопросы, которые он ставил в них, как раз и калили умы собравшихся.

«Зачем мнутятся народы? — вопрошал. — Зачем плачет младенец, терзается юноша, унывает старец? Зачем общество враждует с обществом? Зачем железо рассекает связи любви и дружбы?.. Закон природы! — говорит один. Форма правления! — говорит другой. Недостаток просвеще-

ния! — говорит третий... Но кто вы, вы, гордые истолкователи таинства жизни? Я не верю вам и имею право не верить!.. Я вижу в вас винты и колеса, но жизни не вижу!»

Уже упоминавшийся здесь В.В. Розанов напишет позже, что именно так Одоевский «поднимал с земли» какой-нибудь остановивший на себе его внимание факт, листок, песчинку, воспоминание о музыкальном вечере, о великом и несчастном музыканте, или вот, например, о «ночи» и «что она такое»!! И умом глубоким и пронзительным обдумывал это «поднятое с земли» явление...»

Впрочем, раз в месяц он «давал» здесь и обеды. И смех, и грех! С юности увлекающийся химией, физикой, биологией и десятками других наук, князь готовил такие блюда, что гости зарекались есть их. «У него все варится, жарится, солится и маринуется ученым образом, — заметит Панаев, — у него пулярка начиняется бузиной или ромашкой; соусы перегоняются в химической реторте» (их гости между собой шепотом звали «ядами»), а от «оригинальных сосисок», приглашенные, открыв рты, так и не смогли закрыть их. Соболевский, тот без церемоний выплюнул свою и закричал во все горло, чтобы хозяин «пожертвовал» их хоть кому угодно...

Ни invito и ни разу не усомнился в его «энциклопедизме». Кроме, вообразите, самого Одоевского. «Меня... обвиняют в каком-то энциклопедизме, хотя я никогда еще не мог хорошенько выразить: что это за зверь?..» И утверждал: дело должно «вырастать из другого органическим путем, как из корня вырастает лист, из ли-

* 15

Смоленский бул., 17, стр. 5. На этом месте стоял дом, где князь Одоевский проживал свои последние годы.

ста цветков, из цветка плод». Именно это качество привело его в Императорскую публичную библиотеку, где в 1846-м он стал помощником директора, а затем и к руководству Румянцевским музеем.

Музей Румянцева — кто не слышал этих слов?! Его основал в Петербурге, в своем дворце (Английская наб., 44) канцлер, первый председатель Государственного Совета, меценат, и коллекционер граф Николай Румянцев, собравший библиотеку в 30 тысяч томов, 4752 листа гравюр и эстампов и более 200 редких этнографических предметов, не считая скульптур и живописи, античных монет и минералов. А когда его коллекция после его смерти в 1826-м стала приходить в упадок, ее передали Публичной библиотеке и назначили директором как раз Одоевского. Он-то ее и спас, предложив в 1860 году директору Публичной Модесту Корфу перевести ее в Москву. «Невыносимо тяжело мне видеть вверенное мне учреждение, находящееся в столь безвыходном состоянии», — написал. И сам вместе с ней переехал в Москву.

Ну а всё остальное мы уже знаем: из Румянцевского музея в Пашковом доме и родилась Российская государственная библиотека, известная ныне всему миру.

Обгоняющий время.

(Смоленский бул., 17, стр. 5)

Интеллигент — это не умные или хитрые слова — это прежде всего дело, обгоняющее своим неравнодушием всех и вся.

Здесь, в этом доме, поселился князь Одоевский и здесь же скончается в 1869-м. «Закатилось солнце...» Если его брат, поэт и декабрист Александр, навечно вписан в историю знаменитой фразой «Из искры возгорится пламя», то ведь и Одоевский прославился незабываемым горестным некрологом Пушкину: «Закатилось солнце русской поэзии». Да и умер, говорят, как Пушкин — от «нехватки воздуха», да от всепроникающей лжи. Ведь человеку, заметил однажды, «два дела на свете: или говорить правду, или молчать. То и другое очень трудно...»

Здесь, в перестроенном доме, бывали Лев Толстой (дальний родственник его), Тургенев, Даль, Фет, композиторы Рубинштейн и даже Рихард Вагнер. Он ведь не только устраивал тут «музыкальные пятницы», но, будучи признанным музыкальным просветителем (с него, если хотите, началось музыковедение!), стоял у основания нынешней Консерватории.

Трудно перечислить, что он успел сделать за жизнь!

Начав когда-то с участия в пушкинском «Современнике», стал издателем (подготовил, к примеру, 3-томник Белинского), выпускал книжки «Сельского чтения» и редактировал журнал «Сельское обозрение», издал «Карманный музыкальный словарь», написал не-

ОДОЕВСКИЙ ПРОСЛАВИЛСЯ ГОРЕСТНЫМ НЕКРОЛОГОМ ПУШКИНУ: «ЗАКАТИЛОСЬ СОЛНЦЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ...» ДА И УМЕР, ГОВОРЯТ, КАК ПУШКИН, ОТ «НЕХВАТКИ ВОЗДУХА» ДА ОТ ВСЕПРОНИКАЮЩЕЙ ЛЖИ

* 16, 17
Фантастический роман
В. Ф. Одоевцева «4338
год». Иллюстрация и
обложка 1926 года.

скольких учебников для школьников и пособий для учителей, издал пособие для стенографов, («скорописью» увлекся как раз в этом доме). Наконец — не только организовал Общество древнерусского искусства и стал членом-учредителем Географического общества, но создавал благотворительные организации, в том числе, в стремлении помогать людям, основал Общество посещения бедных просителей и Комитет для управления детскими приютами...

Он даже под именем «доктора Пуфа» публиковал в «Литературной газете» свои кулинарные рецепты (не забыли его «пулрку с ромашкой»?).

Да, был провозвестником будущего! В неоконченном романе «4338-й год» он, обгоняющий время, пишет о путешествиях в космос, о туннелях для «электроходов» от Пималаев до Каспия (как в проектах Илона Маска), верит, что люди вместо кирпичных будут строить стеклянные дворцы, что люди будут управлять климатом, что будут изобретены самолеты, беспроводной телефон, ксерокс, оцифровка текстов и даже интернет и блоги, что-то вроде личных «домашних газет», посредством которых живущие на далеком расстоянии будут общаться друг с другом. Он пишет даже о том, что Петербург и Москва сольются в мегаполис, а Китай и Россия станут «центрами мировой силы», причем Китай будет одолевать в романе «одичавших американцев». Невероятно ведь!

Не слова, а дела! И воображая будущее, не проходил даже мимо грязного тротуара. Я не поверил глазам, когда, копаясь в книгах, наполнился вдруг на его заметку в газете «Голос» от

1866 г. «Езда по московским улицам». Бог ты мой, князь, сенатор, ученый, поэт, витающий в эмпиреях, вдруг как журналога какой-то честит власти на 20 страницах за беспорядки с движением на улицах (возы и пролетки ставятся поперек проезда), за то, что лавочники превращают проезжую часть в «свой двор или свою конюшню», что назначение тротуаров еще «загадочнее улиц», (летом они «исковерканы, а зимою покрыты гололедницей»), что водосточные трубы льют воду под ноги, а ночью на панель безнаказанно сливают и нечистоты. «Загляните во все кремлевские ворота, — взывает. — Здесь бесцеремонно отправляются все естественные потребности...» А мясные лавки, не посыпаящие отбросы известью, чтобы не было гниения? А хлеб, который торговцы продают мокрым, ради лишнего веса? Где же штрафы, общественные работы и аресты для виновных? И он приводит не только меры законов, но требует издать их листовкой, да еще напечатанной крупным шрифтом «в восьмую часть вершка». «Все это хлопотно — не спорим, — заканчивает воззвание, — да ведь без хлопот никакое дело не творится...»

Интеллигент, что тут скажешь?! Первый даже не по числу — по сути.

Похоронили его на Донском кладбище. И если забредете к нему, вспомните его слова про Петербург и Москву: «Странная моя судьба, для вас я западный прогрессист, для Петербурга — отъявленный старовер-мистик; это меня радует, ибо служит признаком, что я именно на том узком пути, который один ведет к истине...»

Нет, пожалуй, не про города эти слова — про жизнь его!